

М. С. Хмелевский

Санкт-Петербургский государственный университет

**От качества к оценке (модели формирования
класса наречий-интенсификаторов в славянских языках)***

На лексическом и этимологическом уровнях анализируются и демонстрируются некоторые модели возникновения, развития и закрепления в семантической структуре качественных наречий такой оценочной категории, как интенсификация признака или действия. Утрачивая связь с мотивирующим прилагательным, а с течением времени и свою экспрессивно-эмоциональную окраску, рассматриваемые наречия в современных языках закономерно объединяются в один синонимический ряд интенсификаторов, служащих исключительно для выражения высокой степени признака либо действия. Приведем ряд «ядерных» слов, составляющих данную лексическую группу: рус. *очень, весьма*, укр. *дуже*, блр. *вельмі*, пол. *bardzo*, чеш. *velmi, velice, moc*, слцк. *velmi*, срб., хрв. *veoma, vrlo, jako*, слвн. *zelo, čisto, hudo* и т. д. Всего в количественном отношении нам удалось выявить приблизительно по 70–90 различных по частотным, стилистическим и валентным характеристикам единиц для каждого из анализируемых в статье славянских языков.

Ключевые слова: качественные наречия, наречия интенсификаторы, экспрессия, лексика, славянские языки.

Как универсальное явление в любом языке выделяется особая группа слов, выражающих степень и меру проявления признака, действия либо состояния. По словам Ш. Балли, «количественная разница, или разница в интенсивности, это одна из тех общих “категорий”, к которой мы сводим любые объекты нашего восприятия или нашей мысли» [Балли, 1955, с. 202]. Основу данной «категории» составляют наречия, образованные преимущественно от качественных прилагательных и в ходе определенных закономерных семантических преобразований раз-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия; chmelevskij@mail.ru)

вившие способность интенсифицировать действие либо признак, при этом ослабив либо полностью утратив свое исконное качественное значение.

Данная группа слов может рассматриваться как внутри категории количественности, так и внутри категории субъективной оценки, поскольку входящие в эту группу наречия-интенсификаторы характеризуется эмоционально-экспрессивной окрашенностью при оценке количества в его широком понимании.

Без этого лексико-грамматического разряда слов человеческая коммуникация вполне возможна, но вместе с тем трудно представима, поскольку человеку априори свойственно, познавая окружающий мир, давать оценку: восхищаться, поражаться, бояться, ужасаться, удивляться, соизмерять, проводить ассоциации с уже известным. Данная природная закономерность отразилась в языке, в частности в моделях становления рассматриваемого класса наречий-интенсификаторов.

Утрачивая связь с мотивирующим прилагательным, а с течением времени и свою экспрессивно-эмоциональную окраску, в современных языках эти наречия по своему значению и функции объединяются в один синонимический ряд интенсификаторов, служащих исключительно для выражения высокой степени признака либо действия. Приведем ряд «ядерных» слов, составляющих данную лексическую группу: рус. *очень*, *весьма*, укр. *дуже*, блр. *вельмі*, пол. *bardzo*, чеш. *velmi*, *velice*, *moc*, слшк. *velmi*, в.-луж. *derje*, срб., хрв. *veoma*, *vrlo*, *jako*, *mnogo*, слвн. *zelo*, *čisto* и т. д. Всего в количественном отношении нам удалось выявить приблизительно по 70–90 различных по частотным, стилистическим и валентным характеристикам единиц для каждого из анализируемых в статье славянских языков.

Этимологические исследования данного ряда слов подтверждают их происхождение от качественных прилагательных, пережитые процессы постепенного затемнения, вытеснения и полного стирания исконного качественного значения за счет развития значения интенсификатора.

Наречию как таковому вообще свойственны семантические процессы, направленные на формирование более отвлеченных значений по сравнению с семантикой мотивирующего слова, обусловленные процессом адвербиализации именных форм, то есть их переходом в разряд неизменяемых слов: рус. *горазд* – *гораздо*, *крайний* – *крайне*, *здоровый* – *здорово*, пол. *duży* – *dużo*, чеш. *veliký* – *velice*, срб. *pin* – *puno*, слвн. *čist* – *čisto* в значении ‘очень’ и т. п.

Особое положение в изучении процесса адвербиализации, семантических преобразований внутри класса наречий и изменения значений в ходе развития языка занимает вопрос формирования класса наречий-интенсификаторов, выражающих высокую степень признака или действия. Именно в этой группе слов протекали и до сих пор протекают живые языковые процессы, причиной которых, помимо вышеупомянутого процесса адвербиализации, является присущая эмоционально-экспрессивной лексике подвижность, неустойчивость и изменчивость.

Большинство исследователей, занимающихся вопросами семантики наречий-интенсификаторов, сходятся во мнении, что рассматриваемый класс можно разделить на две группы.

Первую составляют наречия, основной функцией которых является указание на высокую степень интенсивности протекания действия или проявления признака, т. е. «безупречные интенсификаторы», например, рус. *очень*, *весьма*, *гораздо*, *сильно* и т. п. Большая их часть сформировалась сравнительно давно, они утратили свою мотивировку, перешли из класса наречий, выражающих качество, в разряд интенсификаторов, став чистым показателем меры или степени, что подтверждает возможность их сочетания с, казалось бы, несочетаемыми словами: рус. *страшно красива*, *ужасно радоваться*, *жутко добрый*, *сильно ослаб*, *здорово болит голова*, пол. *bardzo powolny* (*bardzo* восходит к качественному значению ‘быстрый’), чеш. *hrozně krásná*, *hodně našťvaný*, *hodně málo* (*hodně* восходит к ка-

чественному значению ‘хороший, добрый, положительный’), *moc slabý* (от *moc* ‘сила’), слцк. *hrozne rád*, срб., хрв. *jako slab* (от *jak* ‘сильный’), *vrlo loš* (от *vrli* ‘хороший, положительный’), слвн. *grozno lepa*.

Другую группу составляют вторичные наречия-интенсификаторы, способность усиливать признак либо действие у них заложена потенциально и проявляется лишь в определенных контекстах. Зачастую входящие сюда слова несут в себе сильное экспрессивное наполнение и относятся к разговорной речи, например, рус. *безумно влюбиться* (ср.: *безумно вести себя*); аналогичные примеры находим и в других славянских языках: чеш. *šileně se zamilovat* (ср.: *šileně se chovat*), слцк. *šialene sa zaľúbiť* (ср.: *šialene sa správať*), слвн. *blazno zaljubljen* (ср.: *blazno se obnašati*) и т. п. Слова из данной группы относятся к переходному классу интенсификаторов, еще не утративших связь с исконным значением, однако стремящихся к этому.

Наблюдения показывают, что с течением времени, нейтрализуя свое качественное значение, наречие-интенсификатор снижает или вовсе теряет экспрессивное наполнение, следовательно, может изменяться и степень интенсивности, которую оно выражает. Частое употребление экспрессивного выразителя влечет за собой стирание не только формы слова (что характерно для наречий, например застывшие падежные формы), но и его исконного значения; к тому же экспрессивность в языке также «изнашивается» сравнительно быстро. Вследствие этого процесса слово становится «тусклым, серым» и «лексемы, выражающие душевные эмоции, даже самые сильные, понемногу слабеют и в конце концов вовсе выходят из употребления, поскольку утрачивают всякую выразительность» [Вандриес, 1937, с. 194].

Данная языковая закономерность отчетливо прослеживается на примерах рассматриваемых нами наречий, передающих количество, в особенности большое, максимально возможное, порой избыточное, поражающее здравый разум, невероятное, невообразимое и т. п. Язык, в первую очередь разговорный, демонстрирует постоянную потребность в пополнении данного класса слов. Таким образом, происходит непрерывное расширение этой группы за счет новых семантических трансформаций, и такой процесс в близкородственных языках проходит по схожим, зачастую параллельным моделям.

Слова для выражения «признака признака» постоянно обновлялись: каждое поколение предпочитало свой собственный знак восторга, отвергая все прочие. «Окрашенные эмоцией слова всегда мимолетны, так, еще в XVII веке сказали бы просто: *очень рад*, затем возникло выражение *сильно рад*, наконец, появились уже знакомые нам *ужасно рад* или *страшно рад*» [Колесов, 1991, с. 136]. В продолжение напрашиваются примеры из разговорного русского языка XXI в.: *мега интересный, дико симпатичный, нереально круто* и т. п.

Итак, одной из основных и древнейших является модель переноса значения производящего прилагательного с общим значением ‘крупный по размерам, большой, огромный’ в сторону развития значения ‘очень’ у однокоренного наречия, т. е. показателя интенсивности признака или действия как результат процесса адвербиализации, то есть абстрагирования семантики при переходе слова из изменяемой в неизменяемую часть речи. Это прежде всего наречия, образованные от общеславянского прилагательного **velъjъ* ‘большой’: ст.-сл. *вельми*, блр. *вельмі*, укр. *вельми, велико*, пол. *wielce*, чеш. *velmi, velice*, слцк. *vel'mi*, срб., хрв. *веома*, слвн. *veliko*.

В своей исходной форме и значении мотивирующее прилагательное почти вышло из употребления: оно встречается в современном польском языке: *wieli* в значении ‘многие’, древних сербском и хорватском: *veli/velji: umrli od bola vela* (XVIII в.), *brod se je razbio pod onijeziijem velijem stjenami*, оно также было известно древнечешскому *velí*, древнесловацкому и древнерусскому *велии*. Однокорен-

ное наречие в значении, трансформированном в сторону показателя неопределенного количества, т. е. ‘много’, находим в современных западнославянских языках, а именно в польском – *wiele ludzi*, словацком – *veľa vína* и верхнелужицком – *wjele wuznamnych Serbow*.

В древнечешском языке количественное наречие *vele* употреблялось также и как интенсификатор признака: *Ten imieše dceř jdinu sobie i všiem milu wele* – т. е. ‘очень’ [Jungmann, 1839, s. 5]. Аналогично в древних сербских и хорватских текстах наречие *vele* могло выступать и как показатель большого неопределенного количества, и как интенсификатор признака и действия: *slike vele lipe; počeše te ljubiti vele; vele se čudahu ne veloj lipoti*.

Продуктивным типом словообразования наречий от общеславянского прилагательного **velъjъ* во многих славянских языках стала застывшая форма двойственного числа творительного падежа с окончаниями *-ми/-ма*: др.-рус. *вельми/вельма* (по типу *весьма, стоймя*), ср. также слцк. *văčŕti* и хрв. *većta* ‘больше’.

Старославянское наречие *вельми* было известно древнерусскому языку: *Съгрѣшихъ вельми въ животѣ моемъ, богатъ сы вельми* (XII в.); *вельми грозно; Велми добро есть нудитися члвку да удържитъ стра(с) гневную* (XIII в.) [Чурмаева, 1989, с. 143]. Употребление данного наречия фиксируется в памятниках вплоть до XVII–XVIII вв. В живой речи оно выходит из употребления не позднее XVI в., если не в XV в., а в XIX столетии А. С. Пушкин использует его уже исключительно в целях стилизации: *Одульф, его начальник рода, Вельми бе грозен боевода*.

Наряду с *вельми* древнерусскому языку был известен собственно русский буквальный аналог этого старославянского наречия – *больми/больма* в значении ‘очень, весьма’, мотивированный прилагательным **bolъjъ* ‘большой’ в застывшей форме двойственного числа творительного падежа: *отрокъ больми ужасе ся* (XII–XIII вв.); *Въсхотѣ богъ больми прославити угодника своего* (XV в.) [Чурмаева, 1989, с. 144]. А. Е. Аникин не исключает этимологической связи данного слова с омонимичным *боль* и более древней связи с корнем *вел-* [Аникин, 2012, вып. 6]. Наречие *больми* вышло из употребления раньше, чем *вельми* – уже к XVI в., однако до сих пор сохраняется в русском просторечии в форме *больно* в значении ‘очень’, образованной по продуктивной словообразовательной модели ‘страшно’, ‘сильно’: *больно умен, больно хочется спать, больно хороша*. Оно ошибочно, хотя и довольно прочно поддерживается соотносительностью в сознании говорящего с омонимичным корнем *боль* и фразеологизированными употреблениями *до боли* (*любить, желать* и пр.), т. е. ‘очень’.

Что же касается западнославянского ареала, то в польском языке наречие *wielmi* уже к XVI в. было окончательно вытеснено современным *bardzo*, а в современных чешском (в виде *velmi*) и словацком (*veľmi*) оно до сих пор является ядром синонимичного ряда слов-интенсификаторов. Употребление данного наречия также живо в сербском и хорватском языках в виде *veoma* (с характерной южнославянской меной *l/o* перед согласным).

Древнечешскому языку также была известна форма застывшего творительного падежа единственного числа *velim*: *Zavidiechu bohatstvo jej velim* [Jungmann, 1839, s. 5] – т. е. ‘очень’, а в сербских и хорватских диалектах находим целую палитру фонетических и словообразовательных вариантов данного наречия: *velma, velmi, veome, veomi, voma, velmi* (XV в.), *velma* и *veome* (XVI в.), *veomi* (XVII в.).

В современном чешском языке широко употребляется в качестве интенсификатора наречие *velice* от однокоренного прилагательного *vel-ik-ý* ‘великий’ (исконно – ‘большой’) с чередованием *k/c*. По сравнению с уже ставшим несколько книжным *velmi* в разговорном языке оно распространено гораздо шире, вероятно по причине своего сравнительно более раннего происхождения и частотности мотивирующего прилагательного (тогда как в близкородственном словацком от-

существование данного наречия объясняется отсутствием и самой формы прилагательного *veliký*: слвцк. *veľký*).

В современном польском языке в книжном и официально-деловом стиле употребляется форма наречия *wielce* ‘очень, весьма’ от прилагательного *wielki* ‘большой, великий’: *Wielce szanowany Pan jest zawsze bardzo witany*.

В древнехорватском языке также фиксируется употребление наречия *veliko* от прилагательного *velik*, которое впоследствии было вытеснено современными *veoma*, *vrlo*, *jako*. В древнехорватских памятниках также встречаются употребления наречной формы *veličma* с чередованием *k/č* (исходная форма двойственного числа): *glasnik vapijaše veličma*; *Ja ti zahvaľujem i veličma ti do istine zahvaľevat imam* (XV–XVI вв.).

В украинском языке употребление наречия *велико* в качестве интенсификатора относится к архаичным: *А він таки любив її велико; врадувалися велико всі звірі*.

Таким образом, модель трансформации значения у различных с точки зрения словообразования и сферы употребления наречий одинакова для всех славянских языков: (1) ‘большой по величине’ → (2) ‘значительный по степени своего проявления, интенсивности’ → (3) ‘очень’ → (4) ‘много’; причем третья и четвертая стадии зачастую могут совмещаться.

Рассмотренные наречия не единичны внутри лексико-семантической группы наречий-интенсификаторов, образованных от качественных прилагательных с общим значением величины, превосходящей норму.

С точки зрения сопоставительной лексикологии интересно проанализировать чешское наречие *ohromně* и аналогичное словацкое *ohromne*. Внутри семантической структуры качественного прилагательного развивается признак ‘значительный по степени проявления, интенсивный’. В соответствии с уже описанной моделью, у однокоренного наречия в чешском и словацком языках развивается и закрепляется значение интенсификатора в качестве основного. Толчком для подобных семантических трансформаций послужило переносное значение прилагательного ‘значительный, интенсивный’. В отдельных сочетаниях связь качественного значения наречия еще восстанавливаема, как, например, чеш. *ohromně vysoký* ‘большой по высоте’, однако в большинстве случаев она едва ощутима. Значение наречия абстрагируется до такой степени, что в современных чешском и словацком языках оно способно выступать исключительно в качестве экспрессивно-эмоционального интенсификатора: чеш. *ohromně těžký soupeř*, *ohromně důležitý*, *děti se ohromně bavily*; слцк. *ohromne dobrý človek*, *ohromne veľký zážitok*, *som ohromne rád*.

Этимологически данное наречие связывается с общеславянским глаголом *ohromiti* ‘громом или грохотом испугать, оглушить, ошеломить’ [Máček, 1957]. Чешскому языку времен Й. Юнгмана (XIX в.) еще были известны ставшие уже архаичными употребления типа *ohromný hlas* ‘голос, от которого исходит ужас, оглушающий’, *ohromná bouře* ‘оглушающая буря’ [Jungmann, 1836, s. 2]. Изучение условий первых употреблений чешского прилагательного *ohromný* в новом значении ‘очень большой, громадный’ показывает, что семантический сдвиг произошел под влиянием соответствующих русского, а также польского прилагательных [Лилич, 1974, с. 287]. В своих переводах «Аталы» (1805) и «Потерянного рая» (1811) Й. Юнгман употребляет слово *ohromný* как соответствие русскому *огромный* и польскому *ogromny* в переводах с польского и русского языков, игравших для него роль посредников [Лилич, 1973, с. 114]. Новый семантический признак полностью соответствовал тенденциям его развития: (1) ‘поражающий словно громом’ → (2) ‘поражающий своими размерами’ → (3) ‘очень большой, громадный’, ‘поражающий разум’. Некоторое время в слове еще сосуществовали прежнее и новое производные значения: *ohromný třesk mečů* ‘оглушительный звон мечей’, *ohromné zdi* ‘огромные стены’. Впоследствии новое

значение не только устойчиво закрепилось, но и полностью вытеснило исконное. Таким образом, подобная трансформация значений, имевшая место как в русском, так и польском языках, как бы в ускоренном виде была повторена в чешском под влиянием словоупотребления в родственных языках [Лилич, 1974, с. 287].

На основе комплекса смысловых признаков прилагательное *ohromný* развило в современном чешском языке экспрессивно-оценочное значение ‘прекрасный, великолепный, поразительный’: *To je žena nejskvělejšího jihu – ta svůma očima zapaluje. Ohromná – ohromná žena!* Аналогичное значение обнаруживаем и в словацком языке: *ohromný odborník, ohromný umelec* и т. п.

Таким образом, на развитие и закрепление значения интенсификатора у мотивированного наречия оказала влияние совокупность семантических переносов у производящего прилагательного, а именно ‘большой по размерам’ → ‘страшный, ужасающий’ → ‘поразительный, удивительный’.

Процесс трансформации значения интенсификатора и его закрепление в семантике наречия можно также проследить на примере наречия *страшно*. Этот процесс известен всем славянским языкам и протекал по следующим этапам: (1) исконное значение мотивирующего прилагательного – ‘вызывающий чувство ужаса, страха’ (*страшный сон, страшные картины войны*) → (2) зарождение значения количественности, интенсивности и соединение качественного значения ‘ужасный’ с семантическим признаком ‘значительный по степени проявления, мощный’ (*страшный порыв ветра, страшный гнев*) → (3) закрепление переносного значения прилагательного и вытеснение исконного (*Любочка – страшная болтунья*. – Н. Островский¹). Аналогичный процесс наблюдаем и у однокоренного наречия: (1) сохранение качественного значения мотивирующего прилагательного (*И страшно взор его сверкает...* – А. С. Пушкин) → (2) соединение исконного качественного значения и значения интенсификатора (*страшно болит голова, страшно злой*) → (3) вытеснение исконного качественного значения и употребление наречия исключительно в качестве экспрессивно окрашенного интенсификатора, синонимичного слову *очень* (*страшно хотеть, любить, радоваться, страшно интересный; Там на севере девушка тоже, На тебя она страшно похожа...* – С. Есенин).

Русское наречие *страшно*, развив лексическую сему интенсификатора, значительно потеснившую первичное качественное значение, уже с конца XVIII в. начинает довольно широко употребляться, по сути, как наречие меры, синонимичное словам *очень* и *весьма*, отличаясь от последних наличием большей эмоциональной окраски и принадлежностью к разговорной лексике. По другим данным, русские наречия *страшно, ужасно* в качестве интенсификатора признака или действия стали появляться в 60-х гг. XIX в., хотя еще в начале XX столетия стилисты выделяли эти слова кавычками [Колесов, 1998, с. 137]. Несмотря на различные предположения о времени прохождения этого процесса, с уверенностью можно говорить о некоем промежуточном этапе семантического развития, когда, возникая в речи, такие сочетания, как *страшно весело, ужасно интересно*, все еще воспринимались как несовместимые. В этой связи показательны слова М. Горького: *Воспитанный на красивом языке бабушки и деда, я вначале не понимал такие соединения несоединимых слов, как ужасно смешно, до смерти хочу есть, страшно весело; мне казалось, что смешное не может быть ужасным, веселое – не страшно и все люди едят вплоть до дня смерти* (М. Горький. В людях).

Подобный сдвиг значения в сторону интенсификатора универсален для всех славянских языков: чеш. *strašně se mi líbí, jsem strašně rád, jsem strašně vděčný*;

¹ Иллюстративный материал из произведений художественной литературы взят из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru>

слцк.: *chcel som Vás strašne pekne poprosit', ste strašne zlatý, strašne sme sa tešili na výlet*; пол. *pani Wiesia straszno lubi jeździć po świecie, strasznie go kocham, strasznie smieszna twarz*; срб. *strašno mi se sviđa, strašno volim westerne, strašno dobrodušan*; хорв. *strašno lijep, strašno pametan, strašno smješno*; словн. *to je strašno lep jezik, strašno je priden, strašno rad dela na vrtu*.

Более того, в сербском разговорном языке это наречие часто используется для выражения необыкновенно положительного, даже восторженного состояния, приобретая междометные характеристики: *Kako je bilo na koncertu? – Strašno! – т. е. 'прекрасно, отлично', Veruj mi, neverovatno! K'o nikad! Strašno!* Подобные употребления поддерживаются и сравнительно новым оценочным значением однокоренного существительного: *strah me da te volim – т. е. 'сильно, очень тебя люблю'*. В некоторых из рассматриваемых языков значение наречия вообще абстрагируется вплоть до экспрессивного показателя неопределенного большого количества, переходя в разряд количественных, например, в словенском языке *strašno ljudi je bilo – т. е. 'много'*.

По той же модели переноса значений на базе исходного качественного значения 'вызывающий испуг, чувство ужаса' проходило развитие и других наречий с похожей исконной семантикой: чеш. *děsně mám rád (děsný 'жуткий')*, *hrozně příjemný*, слцк. *vyzerala hrozne šťastná, mám ta úkrutne rada (úkrutný 'жуткий, ужасный')*, срб. *grdno se napio (grdan 'жуткий')*, словн. *hudo lepa (hud 'неприятный, злой, ужасный')*.

Словенское наречие *hudo* – общеславянского происхождения и встречается во всех славянских языках, но с различными значениями. Мотивирующее прилагательное **chudъ* имело исконное значение 'слабый, жалкий', впоследствии в некоторых языках оно трансформировалось в 'тощий, бедный', в других развилось значение 'плохой, никчемный'. Современные славянские языки дают целый спектр производных значений этого прилагательного: рус. 'тощий' и устаревшее 'плохой, тягостный', срб., хрв. 'плохой, несчастный, бедный', чеш. 'бедный, скудный', слцк. 'худой' и т. д. В современном словенском языке семантика прилагательного *hud* объединяет в себе ряд значений: 1) 'тяжелый, трудный, тягостный' – *hudi časi, huda boleť*; 2) 'плохой' – *hude misli, hudi duh*; 3) 'жестокый, суровый, злой', переносное – 'страшный' – *oče je hud, hud pes*. Возникновение третьего значения у качественного прилагательного (заметим, только в словенском языке) как раз и послужило толчком для дальнейшей трансформации семантической структуры наречия по вышеуказанной модели. Таким образом, у словенского прилагательного развились оценочные значения 1) 'большой, значительный по степени интенсивности' – *hud vihar, mraz, huda bolečina*, 2) 'сильный' – *hud udarec*, 3) 'максимальный, крайний в своем проявлении' – *bil je hud pijanec, huda nesreča*. Встречаются даже такие периферийные употребления, как *hudo žgljanje* 'крепкая ракия' или даже *hud Slovenec* в значении 'настоящий': 'сильный, крепкий, крайний' – следовательно, 'истинный словенец'.

На базе трансформированного значения прилагательного у однокоренного наречия по обозначенной схеме развивается значение показателя высокой степени: *hudo potreben, hudo lepa gospa, knjiga je hudo resna in hudo dobra*. Употребление и экспрессия этого словенского наречия поддерживается также наличием в языке существительного-эфемизма *hudič* 'черт' и производных от него интенсификаторов *hudičevo pameten, lep* 'чертовский умен, красив'.

Подобно слову *страшно*, путь от качественного значения в сторону его полной нейтрализации за счет развития семантического признака интенсивности прошло и наречие *ужасно* во всех современных славянских языках (кроме польского, украинского и белорусского, в которых оно отсутствует).

Первичное значение общеславянского существительного *ужас* – панический страх, сильный испуг, приводящий в состояние оцепенения, подавленности, силь-

ная тревога, негодование, вызванные чем-л. Соответственно, у производного прилагательного во всех славянских языках, где оно встречается (за исключением современного чешского), обнаруживаем его исходное значение: рус. *ужасно себя чувствовать*, слцк. *úžasne hynúť*, срб. *užasno izgleda*, хрв. *užasno se osjećam*, слвн. *užasno so antipatični*.

По аналогии с прилагательным *страшный* слово *ужасный* также развивает переносное значение ‘очень большой, интенсивный, крайний в своем проявлении, чрезвычайный’, отмечаемое словарями как экспрессивное и относимое к разговорному стилю языка: рус. *ужасные холода*, слцк. *úžasný pocit*, срб. *užasna nesreća*, *užasno mi ne dostaješ*, хрв. *užasna vrućina*, слвн. *užasna flegma* и т. п.

Согласно уже рассмотренной модели становления семантической структуры у однокоренного наречия на базе трансформации значения мотивирующего прилагательного ‘очень большой, интенсивный’, у однокоренного наречия формируется значение интенсификатора. С одной стороны, в отдельных сочетаниях внутренняя форма наречия легко восстанавливаема, а значение усилителя признака и действия присутствует как второстепенное, например: *ужасно большой* – т. е. ‘настолько большой, что становится страшно, охватывает чувство ужаса, страха’, *ужасно ненавидеть*, *ужасно далеко*, слцк. *úžasne veľký*, *úžasne zlý*, срб., хорв. *užasno dugo smo ga čekali*, слвн. *užasno dolga zima*. Однако, с другой стороны, в большинстве сочетаний первичное качественное значение полностью затемнено и наречие попадает в один ряд с показателями высокой степени, сохраняя в своей семантике экспрессивно-стилистическую окраску: рус. *ужасно любить*, *ужасно радоваться*, *ужасно красивый*, *ужасно добрый*, *ужасно веселый*, слцк. *úžasne krásny*, *úžasne príjemné stretnutie*, срб. *učim njihovu istoriju*, *i užasno me zanima*, хрв. *užasno dobro pjeva*, слвн. *užasno greje srdce*.

В этой связи приведем высказывание М. И. Цветаевой об употреблении слова *ужасно*, записанное А. Эфрон в своих воспоминаниях: «Вера спрашивает: “Ты меня любишь?” – “Ужасно люблю”, – отвечаю я. “Ужасно люблю – не говорят, – поправляет меня Вера, – ужасно – значит очень плохо, а очень плохо – не любят. Надо сказать – *очень люблю!*” <...> Входит мама. Бросаюсь к ней: “Мариночка, Вера сказала, что *ужасно любить* нельзя, что *ужасно люблю* – не говорят, что можно только – *очень люблю!*” Мама берет меня за руки. “Можно, Алечка, *ужасно любить* – лучше и больше, чем просто любить или любить очень!”».

Несколько иным путем проходило развитие семантики наречия *úžasně* в чешском языке. В древности оно еще выступало в исконном общеславянском значении, однако впоследствии произошло полное вытеснение этого значения переносным по следующей модели: (1) ‘жуткий, вызывающий страх’ → (2) ‘настолько большой, интенсивный, что вызывает страх, шок’ → (3) ‘вызывающий удивление изумление и даже восторг’ → (4) ‘поразительный, удивительный, необыкновенный’ → (5) ‘замечательный, прекрасный, отличный’; причем последнее значение в современном употреблении вытеснило как исконное значение, так и все его переходные трансформации.

Таким образом, все слова с корнем *úžas-* в современном чешском языке также приобрели положительную коннотацию, полностью утратив отрицательную. Так, например, само существительное *úžas* сохранило лишь одно единственное значение – ‘восторг, изумление’: *s úžasem se dívát* ‘смотреть с восторгом’, *budit úžas* ‘вызывать изумление’, соответственно, производные значения уже с положительной коннотацией встречаем и у других однокоренных слов: *úžasná paměť* ‘прекрасная память’, *to je úžasný oběd* ‘это чудесный обед’, *úžasný den* ‘удивительный день’, *úžasný člověk* ‘прекрасный человек’.

Семантические трансформации у прилагательного явились толчком для изменения структуры значений в однокоренном наречии, которое в современном чешском употребляется, с одной стороны, в значении, соотносимом с современ-

ным производным прилагательным: *úžasně hrát* ‘прекрасно играть’, *Dnes paní Masáková úžasně vypadá* ‘Сегодня пани Масакова прекрасно выглядит’, а с другой стороны – в абстрагированном значении интенсификатора положительного признака: *úžasně šikovný pes* ‘необыкновенно смышленная собака’, *úžasně tichý* ‘очень тихий’.

Таким образом, при переходе слов из одной части речи в другую, а именно в процессе адвербиализации (по модели: ‘настолько страшный, что приводит в оцепенение, изумление, шок’ → ‘изумительный, потрясающий, поразительный’ → ‘очень’), развилось значение чешского интенсификатора *úžasně*, связь с исходным значением была полностью стерта и в современном языке функционируют такие сочетания, как *úžasně krásný*, *úžasně dobrý* (поскольку восторг, изумление может вызывать не только отрицательный, но и положительный признак, при этом отрицательный признак нейтрализуется и в семантике слова остается лишь сила экспрессивно-эмоциональной оценки действительности).

В близкородственном словацком языке наряду с новым до сих пор еще сохраняется и выделяется в словарях как первое и основное исконное общеславянское значение прилагательного *úžasný* ‘вызывающий чувство ужаса, страха, жуткий’: *úžasný vietor*, *úžasná polárna žiara* и т. п., а у однокоренного существительного *úžas* сохраняется связь с этимологическим значением слова: ‘состояние после неожиданного чувственного переживания, зачастую негативного, испуг’. Однако, возможно, под влиянием чешского языка в семантической структуре словацкого прилагательного наблюдается развитие аналогичного значения с положительной коннотацией; и хотя употребление словацкого наречия в новом значении ‘отличный, прекрасный, исключительный, замечательный’ относится к разговорному стилю языка и имеет экспрессивную окраску, частотность его употребления значительно превосходит его использование в первичном значении: *Má úžasný hlas a ešte veľa vecí, ktoré na nej obdivujem; prajem Vám príjemné prázdniny a úžasný pobyt v Tatrách; strelil najúžasnejší gól roka, bol to naozaj úžasný piknik* и т. п.

Данные примеры демонстрируют нерелевантность коннотации отрицательный/положительный в процессе развития семантической структуры чешского и словацкого наречий, где на первый план выходит степень и сила эмоционального воздействия на человека, поскольку ‘оцепенеть, изумиться’ можно в равной степени как от отрицательного, так и от положительного признака либо действия.

На формирование значения показателя интенсивности у данного наречия также оказывали влияние наречные употребления существительного *úžas* в качестве интенсификатора: *úžas* *какой умный*; *Обрадовался ужас как!*; *Смеялись мы – ужас!* «По виду они имена существительные, по значению – наречия, по стилю – верх выразительности, по правилам употребления в речи – совершенные анархисты, не признающие никаких законов» [Колесов, 1998, с. 137]. Таким образом, значимым для формирования семантики наречия является признак ‘изумляющий, поражающий, производящий сильное впечатление’ и далеко не важной оказывается коннотация положительный/отрицательный.

Итак, нами рассмотрены несколько древних универсальных и наиболее продуктивных моделей возникновения и развития внутри семантической структуры славянских наречий значения усиления признака или показателя интенсивности действия. Это такие семантические поля, как ‘большой по размерам’, ‘вызывающий чувство страха, ужаса’, ‘положительный’, которые послужили толчком для перехода качественных наречий в группу наречий-интенсификаторов с частой утратой или стиранием их исконного качественного значения.

Список литературы

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 6. М., 2012.

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
Колесов В. В. О русизмах в составе древнерусского языка // Древнерусский язык домонгольской поры. СПб., 1991.
Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.
Лилич Г. А. К проблеме установления межславянского лексического и семантического влияния // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1973. Т. 14.
Лилич Г. А. Из истории русских лексических заимствований в чешском языке = Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974.
Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. М., 1989.
Jungmann J. Slovník česko-německý: V 5 s. S. 2. Praha, 1836; S. 5. Praha, 1839.
Máček V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Список использованных языков

Блр. – белорусский; **в.-луж.** – верхнелужицкий; **др.-рус.** – древнерусский; **пол.** – польский; **рус.** – русский; **слвн.** – словенский; **слцк.** – словацкий; **срб.** – сербский; **ст.-сл.** – старославянский; **укр.** – украинский; **хрв.** – хорватский; **чеш.** – чешский.

M. S. Khmelevskii

*Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation, khmelevskij@mail.ru*

From qualitative to intensification meaning (formation of intensification adverbs in Slavic languages)

This paper proposes lexical and etymological analysis of some models of formation and development of such meaning as intensification in the semantic structure of qualitative adverbs. Losing the original meaning and expressivity, in modern languages, qualitative adverbs naturally form the synonymous group of adverbs-intensifiers used to express a high degree of attribute or action. Here are some the most representative examples in different Slavic languages: Russian: *очень, весьма*, Ukrainian: *дуже*, Belorussian: *вельмі*, Polish: *bardzo*, Czech: *velmi, velice, moc*, Slovak: *veľmi*, Serbian, Croatian *veoma, vrlo, jako*, Slovenian: *zelo, čisto, hudo* etc. In total, in quantitative terms, we managed to identify about 70–90 different examples in every Slavic language analyzed. Most of these adverbs were formed from qualitative adjectives. Certain processes of semantic changes begin first of all in the semantic structure of qualitative adjectives and then continue in qualitative adverbs. The result of these semantic processes in the adverbs is the loss of their qualitative meaning. Thus, the adverbs join the group of quantitative words able to amplify the verb, adjective or another adverb, becoming the synonym of the word *very*. At the first stages, these adverbs are characterized by explicit expressive connotation of meaning, which disappears in the course of time and the quantitative adverb becomes stylistically neutral. Due to the necessity of expressive connotation, this group of words is constantly replenished with new lexemes with expressive meaning. This process of replenishment is constant and we can observe it nowadays. For example, the Russian quantitative adverbs *очень, сильно* already lost their expressive connotation, the quantitative adverb *страшно* can keep its expressive connotation depending on the context, and such new quantitative adverbs which are used almost only in colloquial and jargon speech as *суперско, запредельно, офигенно* etc. nowadays refer to the expressive lexicon. Some of them will disappear in the language as temporary expressive adverbs-intensifiers, but as we observe from the language trend, most of them will remain and gradually lose their expressive connotation, as in example with Czech adverbs *ohromně, úžasně*, Slovenian *hudo, čisto* etc. This paper presents the analysis of the basic semantic, which acts as

a catalyst for forming a new expressive quantitative connotation in qualitative adjectives and then the adverbs, a universal process in Slavonic languages.

Keywords: qualitative adverbs, adverbs-intensifiers, expression, lexis, the Slavic languages.

DOI 10.17223/18137083/62/14

References

- Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskiy slovar'*. Vyp. 6 [Russian etymological dictionary. Iss. 6]. Moscow, 2012.
- Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistic and the problems of the French language]. Moscow, 1955.
- Churmaeva N. V. *Istoriya narechiy v russkom yazyke* [The history of adverbs in Russian language]. Moscow, 1989.
- Jungmann J. *Slownjik česko-německý*: V 5 s. [Czech-German dictionary: in 5 vols]. S. 2. Praha, 1836; S. 5. Praha, 1839.
- Kolesov V. V. O rusizmakh v sostave drevnerusskogo yazyka [About Russianisms in the Old Russian language]. In: *Drevnerusskiy yazyk domongol'skoy pory* [Old Russian language of pre-Mongolian time]. St. Petersburg, 1991.
- Kolesov V. V. *Russkaya rech'. Vchera. Segodnya. Zavtra* [Russian speech. Yesterday. Today. Tomorrow]. St. Petersburg, 1998.
- Lilich G. A. K probleme ustanovleniya mezhslovianskogo leksicheskogo i semanticheskogo vliyaniya [About the problem of forming inter-Slavic lexical and semantic influence]. *Vestn. Leningr. gos. univ.* 1973, vol. 14.
- Lilich G. A. Iz istorii russkikh leksicheskikh zaimstvovaniy v cheskom yazyke [About the history of the Russian lexical influences in Czech language]. In: *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby* [Confrontational studies of the Russian and Czech grammar and lexicon]. Prague, 1974.
- Máček V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological dictionary of Czech and Slovak language]. Prague, 1957.
- Vandries Zh. *Yazyk* [Language]. Moscow, 1937.